

СОВРЕМЕННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ЕЕ КРИТИКИ: О КРИЗИСАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ

Касавин Илья Теодорович – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Российская Федерация, 603000, г. Нижний Новгород, Университетский переулок, д. 7.

Главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: itkasavin@gmail.com

Порус Владимир Натанович – доктор философских наук, ординарный профессор.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066, г. Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4; e-mail: vnporus@hse.ru

В статье рассмотрены основные аргументы «критиков эпистемологии», согласно которым философский анализ проблем, связанных с процессами познания (в том числе в науке), должен быть в конечном счете заменен исследованиями этих проблем средствами специальных наук о познании. Показано, что эти аргументы отчасти неверны, а отчасти могут рассматриваться как указание на реальные трудности современной философии познания. Будущее философской эпистемологии связано с реформированием ее концептуального аппарата, методологического арсенала и проблемного поля. Взаимодействие с науками о познании для философской эпистемологии есть единственный и необходимый путь развития. Указаны два пути такого взаимодействия. Во-первых, это анализ научных дискуссий, на основании которых выявляются новые возможности для преодоления известных философских контрверзов (между рационализмом и эмпиризмом, реализмом и конструктивизмом, фундаментализмом и релятивизмом и т. п.). На этом пути эпистемология выходит на позицию горизонтальной модерации междисциплинарного дискурса и создает «зону обмена» (П. Галисон, Г. Коллинз). Во-вторых, эпистемология проводит рациональную критику оснований специальных наук, а в содержании собственных категорий (истина, рациональность, субъект, объект и пр.) выделяет смысловые уровни, относящиеся к различным когнитивным практикам. Эти практики оцениваются нормативно, исходя из ценностной перспективы современной культуры. Оба пути дополнительны друг к другу.

Ключевые слова: эпистемология, когнитивные науки, субъект, история науки, контекстуализм, реализм, конструктивизм, эпистемологический энактивизм

CONTEMPORARY EPISTEMOLOGY AND ITS CRITICS: ON CRISIS AND PERSPECTIVE

Ilya T. Kasavin – DSc in Philosophy, professor, correspondent member of the Russian Academy of Sciences, head research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation.
Professor. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. 7 Universitetsky lane, 603000, Nizhni Novgorod, Russian Federation;
e-mail: itkasavin@gmail.com

Vladimir N. Porus – DSc in Philosophy, professor. National Research University "Higher School of Economics". Staraya Basmannaya Str., 21/4, Moscow, 105066, Russian Federation;
e-mail: vnporus@hse.ru

The article considers the basic arguments of some "critics of epistemology", according to which the philosophical analysis of the problems associated with the processes of cognition (including science) should be eventually replaced by the study of these problems by means of special cognitive sciences. It is shown that these arguments are in part incorrect and in part can be seen as an indication of the real difficulties in the modern philosophy of cognition. A future philosophical epistemology is associated with the reform of its conceptual apparatus, the methodological arsenal and problem field. An interaction between epistemology and the sciences dealing with cognition is the only and necessary way of development for philosophical epistemology. There are two ways of such interaction. Firstly, there is an analysis of scientific discussions, on the basis of which one identifies new opportunities to overcome the well-known philosophical controversies (between rationalism and empiricism, realism and constructivism, fundamentalism and relativism, etc.). On this way, epistemology moves into a position of horizontal moderation of interdisciplinary discourse and creates a trading (Harry Collins). Secondly, epistemology provides a rational criticism of the foundations of special sciences, and selects semantic levels in the content of its own categories (truth, rationality, agent, object, etc.) referring to different cognitive practices. These practices are evaluated normatively in terms of a value perspective of modern culture. Both ways are complementary to each other.

Keywords: epistemology, cognitive sciences, agent, history of science, contextualism, realism, constructivism, epistemological enactivism

В истории науки бывало, что различные дисциплины спорили между собой, пытались оправдать свои претензии на лидерство. Такие споры иногда оказывали благотворное влияние на развитие методологии, усиливали процессы интеграции науки. Но бывало и так, что споры сопровождалось обострением амбиций, опасениями прервать устоявшиеся традиции, подорвать привычные ценности. Так, отношения между философией и специальными науками приобрели драматический характер в первой половине XIX в., когда сомнения в полезности философского исследования получили идейное оформление в позитивизме. Сомнения были не беспочвенными: натурфилософия уступала место естествознанию, «науки о духе» активно отделялись от прежней философии. Констатируя это обстоятельство, Ф. Энгельс заявил, что «из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах – формальная логика и диалектика» [Энгельс, 1961, с. 25]. Впрочем, исследованиями мышления вскоре также занялись специальные науки, а отношения с диалектикой были проблематичны в самой философии.

Процесс вытеснения философии из сферы действия специальных наук сопровождался двумя противоположными реакциями – энтузиазмом и тревогой. В известном смысле то же продолжается и сегодня.

Энтузиазм подпитывается верой во всеислие научного разума и умеренным (модным до банальности) скептицизмом по отношению к философии, которая задает больше вопросов, чем может дать на них ответов. А тревожатся те, кто опасается, что, став «специально-научными», такие проблемы утратят смысл, который они имеют, будучи философскими. В такой ситуации перспективы философии сравнивают с судьбой короля Лира, напрасно надеявшегося на почет и уважение в королевстве, которое ему уже не принадлежало.

Рассмотрим, оправдана ли тревога за судьбу одного из важнейших разделов философии – теории познания. Что же конкретно означает так называемый «кризис эпистемологии»?

Критики о кризисе

Если судить о состоянии эпистемологических исследований по числу специальных журналов и публикуемых в них статей, то никакого кризиса нет. Большинство публикаций в рейтинговых философских журналах (преимущественно в англоязычном мире) посвящены эпистемологии и связанным с нею проблемам философии науки и техники, философии сознания и языка. В России ситуация несколько другая, но и она далека от «кризисной» [Абдильдин и др., 2017, с. 32]. Видимо, разговоры о «кризисе» имеют другой смысл: эпистемологические исследования все больше походят на специально-научные или логико-аналитические. Журналы, публикующие такие материалы, именуются философскими, но что это означает, не совсем ясно.

Кто-то скажет, что именно эти материалы и представляют «научную» философию. Если уж сберечь от забвения древний термин, с которым связано много прекрасных воспоминаний, то почему бы ему не стать названием для синклита наук, взявших на себя труд, оказавшийся уже не под силу прежней философии? Дело ведь не в словах, а в сути.

Время философии сейчас течет быстрее, чем когда-либо. Одним из его катализаторов является наука. Может быть, поэтому философии, еще не превратившейся в специально-научные изыскания, все труднее, ссылаясь на свое прошлое, обосновывать участие в решении актуальных проблем. Безусловно, это прошлое, история философских учений о познании, достойно уважения. Наверное, его даже можно назвать «великим», подобно тому, как П. Фейерабенд назвал прошлое «философии науки» [Feuerabend, 1970], хотя последнее в сравнении с историей учений о познании – совсем недавнее. Одно лишь упомина-

ние «пещеры Платона», “*tabula rasa*” Аристотеля, «бритвы Оккама», «театра» Декарта, «гильотины» Юма, «коперниканского переворота» Канта и даже «китайской комнаты» Сёрла или «сосуда с мозгами» Патнема способно... но остановим “*name dropping*”. Все это – перечень метафор, подчеркивающих остроту дискуссий, свойственных философским поискам в прошлом и настоящем.

И если сегодня разговоры о кризисе «философской теории познания» все же имеют основание, означает ли это, что мы в очередной раз на распутье: длить ли историю *философских* размышлений о знании и познании (где заблуждений и недоразумений больше, чем великих прозрений) или же предоставить *наукам о познавательных процессах* право не только судить это прошлое, но и смотреть в будущее без оглядки на пройденный философией путь?

Прислушаемся к аргументам критиков философской теории познания, у них есть своя история. Прежде всего, это утверждение, что философская теория познания «не поспевает» за развитием специальных наук о познавательных процессах («когнитивных нейронаук», “*computer sciences*”, когнитивной психологии, исследований искусственного интеллекта, социологии знания, современных теорий моделирования и др.). Здесь речь не только о том, что этими науками получены результаты, которые все труднее «увязывать» с «традиционными» философскими представлениями о познавательных процессах, их характере, целях и внутренних связях. Важнее то, что прежняя «философия познания» более не способна быть Большим Братом, законодателем методологических норм. Как писал еще в 1928 г. Г. Рейхенбах, «современная научная эпистемология находит подтверждение тем выводам, которые в прежние времена свелись бы к пустым спекуляциям, фантазиям, не имеющим эмпирического основания» [Рейхенбах, 1985, с. 16]. «Современная научная эпистемология», или «философия науки», по его мнению, это «наука среди других наук, некий фонд совместно разработанных положений». «Аккумуляция единого фонда знания есть характерная черта этой новой философской ориентации, которая обязана своим происхождением эмпирическим наукам и даже в методологическом отношении противостоит изолированным системам спекулятивной философии и черпает из этого источника свое преимущество» [Рейхенбах, 1985, с. 17].

Спустя почти сто лет эти слова Г. Рейхенбаха окружаются новыми смыслами. Теперь уже говорят не только о том, что онтологические категории (такие, как «пространство» и «время») наполняются значимым содержанием, когда становятся «эмпирически оправданными понятиями». Тот же процесс охватывает и описания самого познания. Науки о познании освобождаются от философских «догм»; пусть уж философы «задним числом» подгоняют свои рассуждения под новые научные результаты, приспособляясь к ним.

В поисках субъекта

Вспомним, с каким трудом в сознание философов, отдававших дань «спекулятивной метафизике», входила необходимость радикальной трансформации онтологии после триумфа релятивистской механики, теории квантов, создания и стремительного развития физики микромира. Теперь с этим сравнивают воздействие современных социологических и социально-психологических исследований на изменение содержания, вкладываемого в категорию «субъекта». Трактовка «субъекта» как эмпирического индивида неудовлетворительна уже потому, что она не в состоянии обосновать всеобщность и необходимость фундаментальных научных суждений. Но и трактовка «субъекта» в духе трансцендентализма оставляет нерешенной проблему единства условий истинного знания. Если это единство трактуется в духе неокантианства как система логических суждений, диктуемых трансцендентальными основоположениями, то она не может быть одновременно полной («всеохватной»), дедуктивной (замкнутой относительно правил логического следования и семантического отношения «истинности») и непротиворечивой¹. Подобные трудности ведут к отказу от обеих трактовок эпистемологии.

Другой аргумент состоит в том, что философские спекуляции на тему познания страдают чрезмерным гносеологическим оптимизмом. Они исходят из неочевидного допущения о принципиальной возможности совпадения (субъективного) знания с (объективной) реальностью. Говорят, что эта возможность вытекает из так называемого «принципа тождества бытия и мышления», возводимого если не к Пармениду, то к Спинозе или к «принципу предустановленной гармонии» Лейбница. По этому принципу исследователь переносит на какие-то фрагменты реальности свойства моделей этой реальности, создаваемых его мышлением, на том основании, что если модели обладают «очевидной» необходимостью (как, например, это имеет место в математической физике), то и реальность не может быть иной, она «обязана» совпадать (в своих существенных характеристиках) с этими моделями.

Но современные научные исследования все больше выходят за те пределы, где субъект мог уверенно полагаться на очевидность собственного мышления и рассуждения, где действенным средством исследования был мысленный эксперимент. Таковы, например, технические науки, в которых ученые уже не могут безоговорочно полагаться на «принцип тождества бытия и мышления», позволяющий онтологизировать или реифицировать научные теории и данные. Здесь успешность исследования уже слишком очевидно зависит от конструктивной активности субъекта мышления.

¹ Это показано К. Айдукевичем, сославшимся на известные результаты А. Тарского и К. Геделя [Ajdukiewicz, 1937; Айдукевич, 2000].

Эта активность имеет ограничения, в том числе такие, которые зависят от социальных обстоятельств, в которых работает индивид или исследовательский коллектив, от наличия необходимого оборудования, материальных и финансовых ресурсов и т. п. И, следовательно, обоснование получаемого в таких исследованиях знания-результата становится *ситуативным*, оно не может претендовать на окончательность и последнюю надежность. В этом смысле полученное знание не может считаться тем, что называют «эпистемой», оставаясь «доксой», т. е. тем, о чем следует думать «в терминах риска и неопределенности» [Сокулер, 2017, с. 88]. Это не может не сказываться на философской теории познания, которая вынуждена вносить существенные поправки в свои представления о связи между субъектом и объектом, знанием и реальностью. Как далеко можно пойти в этих поправках? Уж не пришла ли пора философскую теорию познания назвать не «эпистемологией», а «доксологией»?

Следующий аргумент критиков – несоответствие современных представлений о субъекте познания реальной практике науки. «Прежняя философия» вдохновлялась образом субъекта, не останавливающего ход познания ни перед какими препятствиями, всегда временными и принципиально преодолимыми. Ей хотелось перешагнуть даже через барьер, поставленный Кантом перед «вещью-в-себе». Но в наше время барьеры перед движением познания воздвигают уже не Кант и не только ограниченность материальных ресурсов. Дело в том, что если познавательный процесс исследуется «позитивными науками», то они поступают с ним точно так, как всякая наука поступает с любыми своими объектами: «реконструируют», т. е. строят его теоретические модели, чтобы через них добывать искомое знание о познании. Но здесь ловушка: «реконструкция» познавательных процессов сама является необходимой частью познавательного процесса, она создается научной практикой, следовательно, несет на себе черты этой практики, осуществляемой «коллективным субъектом» – научным сообществом. Иначе говоря, субъект научного знания занимается лишь самоописанием, а объективность оказывается следствием непрерывности этой рефлексии, в которой всякая иная реальность просто исчезает. Расширение сферы так понимаемой субъективности, тотальная «коллективизация субъекта» вмещает в себя все, что можно сказать о реальности как предмете науки. И если не вспомнить, что познание не исчерпывается наукой, то от всевластия научных экспертов уже не спастись.

Спасатели или могильщики?

Сегодня оптимистические надежды на сближение научных исследований с философскими размышлениями о знании и познании сулит энактивистская эволюционная эпистемология (Ф. Варела, У. Матурана и др.). «В рамках этой концепции субъект познания, или когнитивный агент, будь то человек или животное, рассматривается как активный и интерактивный: он активно встраивается в среду, его когнитивная активность совершается посредством его “вдействия” в среду или ее энактивирования» [Князева, 2014, с. 8; Князева, 2004]. Эпистемологический энактивизм исходит из положения о взаимной (циклической) детерминации сознания и тела, дополненного тезисом об *эмерджентности* сознания: оно не сводимо к свойствам телесных органов живого существа (в том числе – к свойствам головного мозга и центральной нервной системы), но возникает именно как “*embodied mind*”, т. е. свойство целого (сознающего живого существа).

Понятно все-таки, что человек отличается от шимпанзе, как бы это симпатичное животное ни было похоже на *homo sapiens* в роли «когнитивного агента», энактивирующего свою среду. Приверженцы эволюционной эпистемологии, принимающие принцип энактивизма, скажут, что различие это не является чисто *количественным* (когда, скажем, сравниваются по сложности нейронные сети обезьяны и человека), но должно рассматриваться как *качественный скачок* от одного уровня организации к другому: когнитивная эволюция скорее дискретна, чем непрерывна. С этим трудно спорить, потому что качественные скачки почти всегда объясняют почти все. Вопрос только в том, достаточно ли усилий специальных наук, чтобы придать этим скачкам статус теоретического объяснения, опирающегося на эмпирические факты? И если эпистемология охватывает своим интересом науку, достаточно ли энактивистских принципов для описания познавательной деятельности ученого?

Эти вопросы, как легко видеть, носят явно философский характер. Но отвечать на них так, чтобы ответы не повисали в атмосфере умозрительных абстракций, необходимо с помощью специальных исследований.

Еще один вариант «спасения» эпистемологии перед лицом «кризиса» представлен «новым эмпиризмом» Б. Латура [Latour, 2005; Латур, 2014]. Как и энактивистская эпистемология, «акторно-сетевая теория» Латура и его последователей является формой современного эпистемологического конструктивизма: если первая акцентирует эволюционный (стартующий с биологического уровня) характер познавательной активности, реконструирующей все жиз-

ненное поле субъекта, то вторая примыкает в существенных чертах к «социальному конструктивизму» [Berger, Luckmann, 1966; Бергер, Лукман, 1995].

Коренной вопрос, перед которым стоит эпистемологический конструктивизм, – отношение *познавательных конструкций* (каково бы ни было их происхождение) к *реальности*. Является ли она *продуктом* познавательной деятельности и, следовательно, зависимой в своих свойствах от характера и средств, какими эта деятельность обусловлена? В такой «лобовой» форме этот вопрос носит провокационный характер и задается всегда, когда позиция «конструктивиста» противопоставляется позиции «реалиста». Надо сказать, что получающаяся при этом дилемма «конструктивизм-реализм» сформировалась в жесткой полемике и несет на себе ее след. Безусловно, мало кто из последовательных конструктивистов решится на «голое» отрицание онтологического статуса «реальности». Их позиция продиктована стремлением пробудить реалистов от «метафизической спячки» подобно тому, как некогда идеи Д. Юма, по признанию И. Канта, способствовали развитию его философского критицизма. Конструктивисты любых оттенков выступают против того, чтобы наличные представления (знания) о реальности полагались ее адекватными репрезентантами, а также против преуменьшения роли преобразующей активности субъекта в формировании таких репрезентантов. Поэтому конструктивизм вполне уживается с реализмом, если только не идти на поводу у наиболее горячих полемистов, теряющих из виду суть дела в погоне за броскими «антиметафизическими» лозунгами. В.А. Лекторский называет это «конструктивным реализмом». «Любая конструкция предполагает реальность, в которой она осуществляется и которую она выявляет и пытается трансформировать. <...> Реальность выявляется, актуализируется для субъекта только через его конструктивную деятельность» [Лекторский, 2009, с. 37]. Близка к этому и позиция «эпистемологического конструкционизма» Р. Харре, настаивающего на необходимости социологического исследования того процесса, в котором «реалистические данные» науки признаются таковыми в коммуникациях между учеными: «На мнения сообщества влияют открыто заявленные мнения людей, обладающих престижем и, предположительно, компетенцией. Однако со временем эти мнения ставятся под вопрос новыми экспериментами и наблюдениями» [Харре, 2009, с. 78].

«Новый эмпиризм» Латура вносит в эту полемику нюанс, как будто усиливающий реалистическую (или объективистскую) аргументацию [Астахов, 2015]. Статус «актеров» придается объектам научного исследования, что якобы делает их полноправными участниками последнего и сводит к нулю субъективизм его интерпретаций. Оставим в стороне спорность такой трактовки «объективности»

[Столярова, 2006]. Но заметим, что искомое равноправие *humans* и *nonhumans* (термины Латура) в исследовательских процессах является мнимым: описания взаимодействия «актантов» делаются только людьми (которые и оценивают роль *nonhumans* в этом взаимодействии), а следовательно, социальные условия оказывают значительное воздействие на эти оценки.

Вообще говоря, для социально-конструктивистской методологии наиболее труден вполне философский вопрос: можно ли считать, что оценки знания (истинность, объективность, рациональность) также являются социальными конструктами, как и само это знание? Поспешность утвердительного ответа делает эту позицию подозрительно релятивистской, отрицание означает, что приходится опираться на «метафизические» *commitments*, что ставит под сомнение последовательность конструктивизма как эпистемологического принципа. Эта трудность заставляет вспомнить старый рецепт неокантианства: полагать «реальность» бесконечным идеалом знания, к которому стремится непрерывный процесс смены конструкций – временных остановок на этом пути. Еще один выход из этого противостояния состоит в уточнении цели философского анализа знания. Возможно, что эта цель – указать на последнее основание нашего знания, т. е. на реальность. Однако поиск последнего основания – не единственная достойная цель. Едва ли не более интересным является исследование того, *каким именно образом* разворачивается процесс познания. И тогда в фокус внимания попадает именно конструктивная деятельность индивидуального и коллективного субъекта, а творимые им конструкции оказываются той единственной реальностью, которая заслуживает рассмотрения.

Хороши ли эти решения – вопрос, который подлежит философскому обсуждению. Здесь философия вступает в диалог с науками о познании. В этом диалоге философским аргументом, безусловно, является то, что «познавательные конструкты» могут и должны рассматриваться не как противоположность «реальности», а как «объекты-посредники» (В.А. Лекторский), необходимые для того, чтобы гипотезы о реальности получали форму, в которой они могли бы подтверждаться или опровергаться. Здесь важны методологические различия и их возможная онтологическая основа: есть ли таковая между идеальными объектами (не имеющими референтов) и ненаблюдаемыми объектами, гипотетически существующими? Скорее всего, статус тех и других в научных исследованиях определяется научной практикой, а не отвлеченными метафизическими соображениями.

Оптическая теория познания под огнем прагматизма

Есть еще старый, но живучий аргумент о невозможности сохранить метафору «зеркала природы» в качестве принципа философской теории познания. Одно время казалось, что она уже окончательно отброшена вместе с наивными трактовками «теории отражения» и другими оптическими метафорами познания [Shaw, 1980]. Р. Рорти посвятил объемистую книгу критике этой метафоры. Он доказывал бесперспективность поиска «неизменных структур, внутри которых могут содержаться познание, жизнь и культура – структур, установленных привилегированными репрезентациями» [Рорти, 1997, с. 120; Rorty, 1979]. Поскольку таких «привилегированных репрезентаций» просто нет, утверждал он, то невозможна и эпистемология, безосновательно полагающая познание «зеркалом природы». Самое большее, на что может претендовать философия познания, – это согласие с прагматической трактовкой познания как производства различного рода «приспособлений» (полезных фикций), которые позволяют нам упорядочивать и интерпретировать свои восприятия.

Надо сказать, что эпистемологический прагматизм все же не может быть вполне последовательным. Известный тезис Дж. Дьюи гласит, что познание есть не что иное, как путь к решению исследовательских задач, возникающих в конкретных ситуациях. «Мы настаиваем на том, что познавательные акты никогда и нигде нельзя отделить от ситуаций, в которых находятся познающие – это две стороны одной и той же медали» [Dewey, 1949; p. 115]. Это можно рассматривать как перенос акцента с гносеологического образа познания на методологию исследования, где на первый план выходит успешность метода как оценка его познавательного значения. Особенно четко позиция «методологического прагматизма» была сформулирована Н. Решером [Rescher, 1977]. Но источником проблемной ситуации все же остается «реальность». Да, нельзя провести абсолютную границу между нею и результатами активности познающего субъекта, то есть удержаться на позиции «субъект-объектного дуализма». Позиция эта неустойчива. Но все же приходится признать, что знание – это знание о мире (как того требует здравый смысл, столь высоко ценимый прагматистами) [Rorty, 1972]. Здравый смысл восстанавливает «непосредственный контакт с обычными (familiar) объектами, чьи личины (antics) делают наши предложения и мнения истинными или ложными» [Davidson, 1973–1974]. Иное дело, что в здоровое, обыденное сознание неустранимо встроена наивная вера в некоторую неявную метафизику, которая на поверку ничем не более убедительна, чем всякая другая.

Так что и прагматистская теория познания «впускает в себя» толику «неэмпирических» предпосылок, хотя и не акцентирует это обстоятельство. Продолжать оспаривать достижимость абсолютной истины в эмпирических науках и в очередной раз опровергать теорию «зеркального отражения» – что-то вроде борьбы Дон Кихота с ветряными мельницами. Однако критические возражения против этой теории все же продолжают. З.А. Сокулер говорит о «постоянно возвращающемся образе познания как отражения, а познающего субъекта как зеркала» и связывает этот навязчивый образ с устаревшей «эпистемологией присутствия». «Перед современными исследователями изучаемые процессы выступают не в своем непосредственном присутствии, а как оставленные ими следы в виде показаний приборов. Поэтому вместо достоверности непосредственного контакта исследователи должны заниматься расшифровкой и интерпретацией следов, исходя из целой совокупности допущений» [Сокулер, 2017, с. 86]. К этим допущениям относятся: доверие приборным данным и умению экспериментаторов теоретически интерпретировать эти данные, полнота контроля над всем процессом эксперимента, оценка эксперимента как удачного или неудачного в зависимости от целей исследования и т. д. По сути, речь о том, что между исследователем и изучаемым объектом расположена сложная система опосредующих факторов, *сквозь* которую этот объект рассматривается. И потому знание о нем – не «зеркальный образ» (не отвязная метафора!), а конструкция, вбирающая в себя все достижимые и эффективные формы активности субъекта.

С этими соображениями невозможно не согласиться. Более того, они давно учтены современной эпистемологией. Если же, как пишет З.А. Сокулер, образ познающего субъекта как зеркала постоянно возвращается, то это, возможно, следует объяснить «внерациональными мотивами» [Сокулер, 2017, с. 81]. Для проверки такого предположения, вероятно, потребовались бы социологические и психологические исследования, результаты которых мы не можем предвосхищать. О «внерациональных мотивах» трудно судить *a priori*. Но анализ современных дискуссий по проблеме соотношения «найденного» и «сделанного» в познании показывает, что метафора «зеркала» давно сдана в архив истории философии [Касавин, 2010]. Во всяком случае, даже если она еще встречается в каких-то контекстах, это никак не может считаться признаком кризиса философской теории познания.

Итоги

Мы видим, что аргументы критиков и ниспровергателей эпистемологии отчасти неверны, а отчасти могут рассматриваться как указание на реальные проблемы, с которыми она встречается в теории и на практике. Вопрос не в том, есть ли у нее будущее, а в том, каким оно должно быть. И на этот вопрос есть общий ответ. Будущее философской эпистемологии связано с реформированием ее концептуального аппарата, методологического арсенала и проблемного поля. Это относится ко всем системообразующим понятиям и методологическим принципам: необходимо вливание нового смыслового содержания в то, что называется «истиной», «объективностью», «рациональностью», «реальностью» и т. д.

Реформа должна быть последовательной, но не панической. Например, вряд ли устарело само различие «эпистемы» и «доксы», хотя оно, конечно, не может быть таким, каким оно виделось во времена Платона. Стерево это различие, можно утратить и способность отличать научную истину от профанного мнения. Не выдерживает критики и лозунг элиминации философского анализа познавательных процессов, растворения его в специально-научных исследованиях. Пресловутая «натурализация» или «позитивизация» философии в конечном счете привела бы к обесмысливанию этих исследований, к выталкиванию их из контекста культуры и к обеднению самой науки, лишившейся умного собеседника. Вместе с тем неоспоримо, что взаимодействие с науками о познании для философской эпистемологии есть единственный и необходимый путь развития. Вопрос в том, каковы пути этого взаимодействия. Их, по крайней мере, два.

На первом пути эпистемолог не проводит сколько-нибудь четкой границы между собственной позицией и позицией ученого-предметника – историка и социолога науки, и когнитивного психолога и антрополога, дискурс-теоретика и нейроученого. Он предпринимает ситуационные исследования, описывая и реконструируя эпизоды из истории познания, накапливая эмпирический базис для философских обобщений. Философ включается в научные дискуссии о природе познания и даже в научные споры о судьбе той или иной теории. Он делает это в меру имеющегося у него экспертного знания, не строя иерархии с философией на вершине. Одновременно философ пытается в рамках этих дискуссий проиграть известные контрверзы рационализма и эмпиризма, реализма и конструктивизма, фундаментализма и релятивизма, нормативизма и дескриптивизма, натурализма и трансцендентализма, найти новые способы их разрешения. Используя свою гуманитарную, или общекультурную, «компетенцию», эпистемолог выходит на позицию горизонтальной

модерации междисциплинарного дискурса [Kasavin, 2017] и создаст зону обмена (trading zone), в терминологии Г. Коллинза [Collins, Evans; 2010]. Примеров такой работы немало в эпистемологии и философии науки, начиная с XIX в. (У. Хьюэлл, Б. Рассел, Дж. Остин, Дж. Серл, Х. Патнем, Р. Харре, Г. Коллинз, Б. Латур, А.А. Богданов, Л.С. Выготский, Н.И. Вернадский и др.).

Второй путь, выбираемый философом, это проведение границы между философским и нефилософским дискурсом. Например, наивный реализм здравого смысла, исходящий из опыта повторяющихся ситуаций, нерелективного восприятия сложных явлений и растерянности перед когнитивными диссонансами и иллюзиями, подлежит деконструкции при помощи культурной антропологии, когнитивной психологии и науки о нейрпроцессах. Предвзятости, культивируемые псевдонауками, разоблачаются со ссылкой на физическую, биологическую и геологическую картину мира. В свою очередь, догматическим реификациям научной картины мира эпистемолог противопоставляет рациональный дискурс критики оснований. В содержании центральных эпистемологических категорий (знания, истины, рациональности, субъекта, объекта, реальности) философ выделяет уровни, относящиеся к разным когнитивным практикам (здравому смыслу, науке, мифу, искусству, морали). А эти практики, в свою очередь, оцениваются нормативно, исходя из ценностной перспективы современной культуры (Дж. Мур, К. Хьюбнер, Г.Г. Шпет, Г.П. Щедровицкий, Э.В. Ильенков). Наконец, концептуальной и исторической (метафилософской) критике подлежит и сама философия, онтологизирующая собственные конструкции.

Несмотря на противоположность этих двух исследовательских тактик, они суть стороны единого процесса. Они не образуют развилки, повернув на которой эпистемолог далее движется только в одном направлении. Напротив, он всегда находится на этой развилке, делая шаг то в одну, то в другую сторону. Эпистемолог учитывает свою собственную человеческую природу, в которой объединяются повседневные практики и философский рационализм, прагматический расчет и взлеты воображения, прорывы в бессознательное и научные знания, а единство существует на фоне многообразия. Постоянная смена направления, обмен деятельностью, переключение гештальта демонстрируют недизъюнктивность психики в целом [Брушлинский, 1996, с. 85–86], дополнительность (в смысле Н. Бора) теоретико-познавательных дискурсов.

Философия возникала, дистанцируясь от мифа и возвышаясь над обыденным опытом, ведя диалог с наукой, критикуя заблуждения разума, стремясь найти предельные основания и мира, и его познания. Найти пределы – значит до известной степени их преодолеть, поставить себя рядом с ними и достичь тем самым более высокой

степени свободы. Конструирование возможных, то есть идеальных, миров изначально было задачей и методом философского мышления. Абстрактные понятия, нормы, идеалы – вот его собственные оригинальные результаты. С точки зрения обыденного разума это несуществующие миры, а их проектирование – круги на воде. Вместо этого якобы следует создавать *полезное знание*, а не спекулятивные конструкции, провоцирующие скептицизм. На такой платформе стоит и метафизический реализм, веря в реальность саму по себе и истинное знание о ней как зеркальное отражение.

Однако вспомним известный афоризм: «Будьте реалистами – требуйте невозможного!». В переводе на язык философии – это требование идеала всеобщего и необходимого знания, который как будто не укладывается в современные эпистемологические представления. Такое знание не под силу человеку. Однако философы вынуждены, по крайней мере, иногда творить идеалы и нормы, и эпистемология здесь не исключение. Пусть наука строит математические экстраполяции на основе индуктивно полученных данных. Они оправдываются лишь в локальных ситуациях, а в более широком масштабе наталкиваются на неожиданные (нелинейные) свойства реальности. Нет другого способа указать перспективу развития, кроме как выйти за пределы эмпирически данного и логически выведенного. Позволим себе вольное сравнение: как «сюрреализм» (сверхреализм) в искусстве, философия включает в себя сверхреалистический элемент, трансцендирование к предельным основаниям бытия и сознания. Философские понятия знания, истины, рациональности, реальности опираются на опыт, данные наук, но выходят за их пределы, чтобы очертить образ будущего, задать сферу свободы для познающего человека [Порус, 2011].

Список литературы

- Абдильдин и др., 2017 – *Абдильдин Ж.М., Бажанов В.А., Васильев В.В., Касавин И.Т., Миронов В.В., Быкова М.Ф.* Ответы на вопросы анкеты // *Вопр. философии.* 2017. № 7. С. 28–38.
- Айдукевич, 2000 – *Айдукевич К.* Проблема трансцендентального идеализма в семантической формулировке / Пер. с пол. В.Н. Поруса // *История философии.* № 5. М.: ИФ РАН, 2000. С. 154–171.
- Астахов, 2015 – *Астахов С.С.* Метафизическая интерпретация акторно-сетевой теории и ее ограничения // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.* 2015. № 3. С. 122–128.
- Бергер, Лукман, 1995 – *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Брушлинский, 1996 – *Брушлинский А.В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М.; Воронеж: НПО «Модэк», 1996. 392 с.

Касавин, 2010 – Социальная эпистемология. Идеи, методы, программы / Под ред. И.Т. Касавина. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2010. 712 с.

Князева, 2014 – *Князева Е.Н.* Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив; Университет. кн., 2014. 352 с.

Князева, 2004 – *Князева Е.Н.* Концепция инактивированного познания: исторические предпосылки и перспективы развития // Эволюция. Мышление. Сознание / Под ред. И.П. Меркулова. М.: Канон+, 2004. С. 308–349.

Латур, 2014 – *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской, под ред. С. Гавриленко. М.: Издат. дом Высш. шк. экономики, 2014. 382 с.

Лекторский, 2009 – *Лекторский В.А.* Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Под ред. В.А. Лекторского. М.: Канон+, 2009. С. 5–40.

Порус, 2011 – *Порус В.Н.* Философия – пространство свободы // Философия и культура. 2011. № 7. С. 62–71.

Рейхенбах, 1985 – *Рейхенбах Г.* Философия пространства и времени / Пер. с англ. Ю.Б. Молчанова, под ред. А.А. Логунова. М.: Прогресс, 1985. 344 с.

Рорти, 1997 – *Рорти Р.* Философия и зеркало природы / Пер. с англ. В.В. Целищева. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1997. 320 с.

Сокулер, 2017 – *Сокулер З.А.* Философская теория познания: будущее под вопросом? // Вопр. философии. 2017. № 12. С. 79–90.

Столярова, 2006 – *Столярова О.Е.* Между «реальностью» и «конструкцией»: философия в поисках «новой объективности» // Филос. науки. 2006. № 8. С. 74–90.

Харре, 2009 – *Харре Р.* Конструкционизм и основания знания // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Под ред. В.А. Лекторского. М.: Канон+, 2009. С. 64–78.

Энгельс, 1961 – *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. М.: Политиздат, 1961. С. 5–342.

Ajdukiewicz, 1937 – *Ajdukiewicz K.* Problemat transcendentalnego idealizmu w sformulowaniu semantycznym // *Przegląd Filozoficzny*. 1937. Vol. XL. P. 271–287.

Berger, Luckmann, 1966 – *Berger P., Luckmann Th.* The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. N. Y.: Anchor Books, 1966. 219 pp.

Collins, Evans, 2010 – *Collins H., Evans R.* Interactional Expertise and the Imitation Game // *Trading Zones and Interactional Expertise: Creating New Kinds of Collaboration* / Ed. by M.E. Gorman. Cambridge: MIT Press, 2010. P. 53–70.

Davidson, 1973–1974 – *Davidson D.* On the Very Idea of a Conceptual Scheme // *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*. Vol. 47 (1973–1974). P. 5–20.

Dewey, 1929 – *Dewey J.* The Quest for Certainty. A Study of the Relation of Knowledge and Action. N. Y.: George Allen & Unwin LTD., 1929. 302 pp.

Dewey, Bentley, 1949 – *Dewey J., Bentley A.* Knowing and the Known. Boston: Beacon Press, 1949. 334 pp.

Feyerabend, 1970 – *Feyerabend P.K.* Philosophy of Science: A Subject with a Great Past / Historical & Philosophical Perspectives of Science // Minnesota Studies in Philosophy of Science. Vol. 5 // Ed. by R.H. Stuewer. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1970. P. 172–184.

Kasavin, 2017 – *Kasavin I.* The Koiné of Science: Interdisciplinarity and Mediation // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2017. Vol. 89. No. 6. P. 543–550.

Latour, 2005 – *Latour B.* Reassembling the Social: an Introduction to Actor-Network Theory. Oxford; N. Y.: Oxford Univ. Press, 2005. 301 pp.

Rescher, 1977 – *Resher N.* Methodological Pragmatism. A Systems-Theoretic Approach to the Theory of Knowledge. Oxford: OUP, 1977. 330 pp.

Rorty, 1972 – *Rorty R.* The World Well Lost // Journal of Philosophy. 1972. Vol. 69. P. 649–666.

Rorty, 1979 – *Rorty R.* Philosophy and the Mirror of Nature. Princeton, NJ.: Princeton Univ. Press, 1979. 401 pp.

Shaw, 1980 – *Shaw W.D.* The Optical Metaphor: Victorian Poetics and the Theory of Knowledge // Victorian Studies. 1980. Vol. 23. No. 3. P. 293–324.

References

Abdildin, Zh. M., Bazhanov, V. A., Vasil'ev, V. V., Kasavin, I. T., Mironov, V. V., Bykova, M. F. “Otvety na voprosy ankety” [Replies to Questions], *Voprosy filosofii*, 2017, no. 7, pp. 28–38. (In Russian)

Ajdukevich, K., Porus, V. N. (transl.). “Problema transcendentnogo idealizma v semanticheskoi formulirovke” [The Problem of Transcendental Idealism in Semantic Formulation], in: *Istoriya filosofii* [History of Philosophy], no. 5. Moscow: IPh RAN Publ., 2000, pp. 154–171. (In Russian)

Ajdukiewicz, K. “Problemat transcendentnogo idealizmu w sformulowaniu semantycznym”, *Przegląd Filozoficzny*, 1937, vol. XL, pp. 271–287.

Astahov, S. S. “Metafizicheskaya interpretaciya aktorno-setevoy teorii i ee ogranicheniya” [A Metaphysical Interpretation of the Actor-Network Theory and Its Limitations], *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dalnem Vostoke* [The Humanities in Eastern Siberia and far East], 2015, no. 3, pp. 122–128. (In Russian)

Berger, P., Luckmann, Th. *The Social Construction of Reality: A treatise in the sociology of knowledge*. New York: Anchor Books, 1966. 219 pp.

Berger, P., Lukmann, T. *Socialnoe konstruirovanie realnosti. Traktat po sociologii znaniya* [The Social Construction of Reality]. Moscow: Medium, 1995. 323 pp. (In Russian)

Brushlinskiy, A. V. *Subjekt: myshlenie, uchenie, voobrazhenie* [Agent, Thinking, Education, Imagination]. Moscow; Voronezh: NPO “Modehk”, 1996. 392 pp. (In Russian)

Collins, H., Evans, R. “Interactional expertise and the imitation game”, in: M. E. Gorman (ed.). *Trading Zones and Interactional Expertise: Creating New Kinds of Collaboration*. Cambridge: MIT Press, 2010. 312 pp.

Davidson, D. “On the Very Idea of a Conceptual Scheme”, in: *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*, 1973–1974, vol. 47, pp. 5–20.

Dewey, J. *The Quest for Certainty. A Study of the Relation of Knowledge and Action*. New York: George Allen & Unwin LTD., 1929. 302 pp.

Dewey, J., Bentley, A. *Knowing and the Known*. Boston: Beacon Press. 1949. 334 pp.

Engels, F. Anti-During, in: Marks, K., Engels, F. *Sochineniya* [Works], vol. 20. Moscow: Politizdat, 1961, pp. 5–342. (In Russian)

Feyerabend, P. K. “Philosophy of Science: A Subject with a Great Past / Historical & Philosophical Perspectives of Science”, in: Roger H. Stuewer (ed.). *Minnesota Studies in Philosophy of Science*, vol. 5. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1970, pp. 172–184.

Harre, R. Konstruktivizm i osnovaniya znaniya [Constructionism and the Basis of Knowledge], in: Lektorskiy, V. A. (ed.). *Konstruktivistskiy podhod v ehpiistemologii i naukah o cheloveke* [Constructivist Approach in the Humanities]. Moscow: Kanon+, 2009, pp. 64–78. (In Russian)

Kasavin, I. T. (ed.). *Sotsialnaya epistemologiya. Idei, metody, programmy* [Social Epistemology. Ideas, Methods, Programms]. Moscow: Kanon+, ROOI “Reabilitatsiya”, 2010. 712 pp. (In Russian)

Kasavin, I. T. “The Koiné of Science: Interdisciplinarity and Mediation”, *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2017, vol. 89, no. 6, pp. 543–550.

Knyazeva, E. N. “Konceptsiya inaktivirovannogo poznaniya: istoricheskie predposylki i perspektivy razvitiya”, in: I. P. Merkulova (ed.). *Evolyuciya. Myshlenie. Soznanie* [Evolution. Thinking. Consciousness]. Moscow: Kanon+, 2004, pp. 308–349. (In Russian)

Knyazeva, E. N. *Enaktivizm: novaya forma konstruktivizma v epistemologii* [Enactivism: A New Form of Constructivism in Epistemology]. Moscow, St. Petersburg: Centr gumanitarnykh initsiativ; Universitetskaya kniga, 2014. 352 pp. (In Russian)

Latour, B. *Peresboraka socialnogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory]. Moscow: HSE Publ., 2014. 382 pp. (In Russian)

Latour, B. *Reassembling the Social: an Introduction to Actor-Network Theory*. Oxford, New York: Oxford University Press, 2005. 301 pp.

Lektorskiy, V. A. “Realizm, antirealizm, konstruktivizm i konstruktivnyj realizm v sovremennoj ehpiistemologii i nauke” [Realism, Anti-Realism, Constructivism and Constructive Realism in Contemporary Social Epistemology and Science], in: Lektorskiy, V. A. (ed.). *Konstruktivistskiy podhod v ehpiistemologii i naukah o cheloveke* [Constructivist Approach in the Humanities]. Moscow: Kanon+, 2009, pp. 5–40. (In Russian)

Porus, V. N. “Filosofiya – prostranstvo svobody” [Philosophy is the Space for Freedom], *Filosofiya i kul'tura – Philosophy and Culture*, 2011, no. 7, pp. 62–71. (In Russian)

Reichenbach, H., Logunov, A. A. (transl. ed.). *Filosofiya prostranstva i vremeni* [Philosophie der Raum-Zeit-Lehre]. Moscow: Progress, 1985. 344 pp. (In Russian)

Rescher, N. *Methodological Pragmatism. A Systems-Theoretic Approach to the Theory of Knowledge*. Oxford: OUP, 1977. 330 pp.

Rorty, R. “The World Well Lost”, *Journal of Philosophy*, 1972, vol. 69, pp. 649–666.

Rorty, R. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton, NJ.: Princeton University Press, 1979. 401 pp.

Rorty, R.; Tselishchev, V. V. (transl., ed.). *Filosofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and the Mirror of Nature]. Novosibirsk: Novosibirsk University Publ., 1997. 320 pp. (In Russian)

Shaw, W. D. "The Optical Metaphor: Victorian Poetics and the Theory of Knowledge", *Victorian Studies*, 1980, vol. 23, no. 3, pp. 293–324.

Sokuler, Z. A. "Filosofskaya teoriya poznaniya: budushchee pod voprosom?" [Philosophical Theory of Cognition: the Future in Question?], *Voprosy filosofii*, 2017, no. 12, pp. 79–90. (In Russian)

Stolyarova, O. E. "Mezhdu 'realnostyu' i 'konstrukciey': filosofiya v poiskah 'novoj obektivnosti'" [Between Reality and Construction: Philosophy in a Search of New Objectivity], *Filosofskie nauki*, 2006, no. 8, pp. 74–90. (In Russian)